

№ 7 (177)
ЮЛЬ

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

НЕ ОСУЖДАЙ

Не осуждай... Чтоб ближних быть судьбою,
Спроси у совести, - ты сам-то лучше ль их?
О, брат, кто точно чист душою,
Тот благ к погрешностям других!

Не осуждай! Не люди злы душою,
А жизнь людей бывает часто зла,
Сперва узнай, какою их стезею
Она к погибели вела.

Не осуждай! Дерзнешь ли поручиться,
Что ты пристрастием не будешь уличен?
Не осуждай! Ты можешь ошибиться.
Не осуждай! - Не будешь осужден.

С. М. Соловьев (1820 - 1879)

Г. Доре Иисус и грешница

ПРОПОВЕДЬ

Мы по своему малодушию, боимся скорбей, не хотим верить, что они полезны для нашей души, забывая, что только многими скорбями подобает нам вникнуть в Царствие Божие (Деян. 14, 22). Каждому из нас дана здесь ноша, которую должно непременно пронести до гроба.

И пронести ее каждый должен сам. Хотя иногда и встречаем мы поддержку в ободрении духа нашего со стороны ближних, но благо тому, кто в помощь себе призывает не людей, но Господа своего. Можно ли прожить без скорбей? Конечно, нет! Причина наших скорбей заключается в грехопадении Адама, а поэтому в них мы несем должное наказание за прародительский грех. Однако вместе с тем они очищают нас и от наших собственных грехов и ведут в Царствие Божие.

Ясно, что желать не иметь скорбей — значит желать невозможного. Души скорбящие, терпеливо несущие свой крест, — это любимые дети Божии, и Господь всегда с ними. Они идут как бы предшествуемые Самим Спасителем, Который часто обращает на них с любовью Свой взор. Если скорби не приближают нас к Богу, то единственно по нашей вине: вместо покорности и терпения у нас является ожесточение сердца. Удивительно ли после этого, что мы впадаем в гораздо большее зло?

В первые века христианства, в одно из гонений, многие, испугавшись предстоящих мучений, бежали от ужаса в пустыни Аравийские, но, думая спастись, погибли там от варваров. Не так ли и мы малодушно стараемся укрыться от скорбей и, чтобы избежать их, решаемся иногда на поступки, противные совести, которые затем, отравляя нашу жизнь, причиняют нам скорби сильнее тех, от которых полагали мы избавиться? Вследствие этого мы нередко погружаемся в уныние или же, в надежде заглушить совесть, потворствуем своим страстям и впадаем в сети дьявола.

Необходимо также сказать и следующее: часто мы слишком преувеличиваем свои горести, замечаем всякое огорчение, а милостей, которые получаем от Господа, напротив, не замечаем, считая, что они есть нечто само собой разумеющееся, и потому остаемся неблагодарными Господу. И, лишь когда посетят нас скорби, начинаем мы как должное оценивать то счастливое время, когда их не было, и даем обет, что, если скорби пройдут, будем благодарны Богу за мирное, спокойное существование и времяпрепровождение.

Мы ропщем иногда на болезни, между тем как должны бы благодарить за них, потому что, не говоря уже о будущей награде за страдания, они благотельны для нас и тем, что

укрощают наши страсти, которые без того могли бы в нас усилиться и Бог весть до чего довести. И потому, если посетят тебя болезни, старайся переносить их с терпением и не искушайся мыслью, что они мешают твоим подвигам духовным.

«Когда болезнь тяготит нас, — говорила блаженная Синклитикия, — не надобно скорбеть, что от боли и язв мы не можем воспевать псалмы устами. Ибо болезни и раны служат к истреблению похотей, а пост и земные поклоны предписаны нам для побеждения страстей. Если же и болезни исторгают сии страсти, то не о чем заботиться».

Великий подвиг — терпеливо переносить болезни и среди них воссылать благодарственные песни Богу. Мы лишились очей? Не будем печалиться: внутренними очами мы можем созерцать славу Божию. Лишились слуха? Возблагодарим за то, что вовсе не будем слушать пустых речей. Не действуют руки? Но у нас есть внутренние длани, готовые на брань с врагами. Страждет болезнью все тело? Но через сие умножается здоровье внутреннего человека.

Души скорбящие — это избранные Божии, которые

за временные страдания получают награду вечную. Чтобы по немощи человеческой не увлеклись они утехами мира, их недостойными, и не утратили чрез это назначенные им небесные блага, Господь ограждает избранных чад Своих от бездны греховной со всех сторон крестами, как бы некой духовной оградой.

В миру многие думают и говорят, что Господь не любит тех, кому посылает скорби. Но это — мнение людей, которые сами не имеют любви к Иисусу Христу, забывли сказанное в Писании: Кого любит Бог, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает (Евр. 12, 6). И еще: Сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя (Евр. 12, 5). Святые угодники, проникнутые сим учением, восходили в сердце своем до того, что не только не боялись скорбей, но еще и радовались, когда могли что-нибудь потерпеть за Господа, ибо они помнили слова апостола Павла о том, что все, хотящие благочестиво жити во Христе Иисусе, гонимы будут. Лукавые же человецы и чародеи будут преуспевать во зле, обольщаясь сами и обольщая других (2 Тим. 3, 12-13). Первые христиане могли бы, казалось, подумать, что оставлены Богом, когда тысячами погибали во время гонений, однако же мы видим противное: гонения еще более утверждали их в вере. Замученные за Христа умирали с упованием, а оставшиеся в живых еще крепче прилеплялись к Богу, готовя себя на новые подвиги. Надо не переставать

ТЕРПЕНИЕ СКОРБЕЙ

АРХИМАНДРИТ КИРИЛЛ (ПАВЛОВ)

повторять себе, что скорби чрезвычайно полезны душе нашей, что они ведут нас к спасению и не их должны мы бояться, а того, чтобы Господь не забыл о нас, — вот истинно была бы величайшая скорбь. А когда Он посылает нам кресты, то это доказывает не только памятование Его о нас, но и любовь Его к нам, грешным. Эту высокую истину как можно глубже должны мы запечатлеть в своей душе.

Если в скорбях мы будем видеть не просто несчастья, но истинный крест Христов, то, безусловно, поймем, почему души скорбящие — любимые дети Божии. Как великому Константину для победы над Максентием дарован был крест, так дарован он и каждому из нас для победы над самым опасным и коварным нашим врагом — дьяволом, которого непрерывно укрепляют против нас наши грехи. Мы знаем, что не только Крест с изображением Спасителя, но и знамение креста, сотворенное человеческими руками, отгоняет врага: как же не дорожить нам крестом скорбей, посланным нам в жизни, крестом, который мы несем вслед за Господом и по Его повелению? Как и мы сами созданы по образу и по подобию Божию, так точно и крест наш должен быть подобием Креста Христова. А становится он им лишь тогда, когда несем мы его с терпением и любовью, а не со злобой в сердце или унынием, когда сознаем, что идем по стопам Спасителя и что в кресте нам дано непобедимое оружие на врага.

Но если на скорби, нам ниспосланные, мы будем смотреть только как на несчастье и повод для ропота, то мы последуем уже не Спасителю, а нераскаянному разбойнику, и крест скорбей наших не только не отгонит от нас врага, но еще и привлечет его к нам, как к верной добыче.

Неся же крест свой, последую Господу, мы вскоре убедимся, что это царственное оружие защищает нас от искушений дьявола, помогает побеждать множество опасных врагов — наши страсти — и ограждает от многого дурного, что совершили бы мы, если бы не несли его.

Скорби уничтожают нашу гордость, смиряют — рано или поздно — самые ожесточенные сердца и обращают их к Богу. Близ Господь сокрушенным сердцем, и смиренный духом спасет (Пс. 33, 19), — говорит святой пророк Давид. Души скорбящие не потому избранные Божии, чтобы Он любил видеть нас несчастными, а потому, что Он хочет, чтобы мы были не малодушны, но тверды и умели все претерпевать до конца. Ему приятно видеть, когда человек, одаренный душой бессмертной, предпочитает небесное земному и, минуя все временное, стремится прямо к Творцу и простирает духовный взор свой в вечность, в которой его настоящая жизнь. Ему приятно видеть, когда человек так смотрит на время, как то и следует существу бессмертному. Ибо избранник Божий, неся крест свой, непременно должен помнить, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день (2 Пет. 3, 8) и что время имеет значение только в здешней жизни, а потому, чем духовнее человек, тем менее обращает он внимания на все временное.

Пример великого терпения мы имеем в святых, великодушно переносивших все болезни и искушения на своем земном пути. Так образ величайшего терпения показала в себе преподобная Синклитикия, наставления которой приводили мы выше. Ей было восемьдесят лет, когда ее посетила изнурительная лихорадка, мучившая затем святую старицу три с половиною года. Потом от загнившего коренного зуба начала гнить у нее десна. Гниение перешло на уста и на всю щеку.

После сорока дней страдания в больных местах образовались черви, которые стали выходить наружу; поражены были самые кости, гниение и зловоние распространились по всему телу, так что с трудом могли находиться при ней прислуживающие ей. Блаженная же сия страдальца отказывалась при этом от всякого человеческого пособия. И согласилась только на употребление мази для уничтожения зловония.

Три месяца страдала она, не употребляя никакой пищи и не зная сна. А за три дня до кончины сподобилась небесного видения, в котором открыто было ей время ее отшествия, и мирно почил в названный ею день.

Преподобный Варсонофий Великий, когда просили его помолиться о здравии аввы Серида, который был долго болен, отвечал: «О здравии сына моего могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых, чтобы он не был болен ни одного дня, — и это исполнилось бы, но тогда он не получил бы плодов терпения. Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения».

Святые знали силу безропотного терпения в болезни и потому все переносили благодаря Бога. Читая о разнообразных мучениях и истязаниях, в которых древние христиане умирали тысячами, и глядя, как нынче охают от самой ничтожной боли, приходится удивляться, как терпеливы были те люди; ведь и они были такие же, как и мы, — из плоти и крови. Но так измельчали нынче души...

Повествуется в одной из древних книг, как некий инок задумал уйти из монастыря в мир, однако неожиданно был поражен проказой и, опомнившись, не роптал, но радовался и благодарил Бога, удержавшего его болезнью телесной от нарушения монашеского обета и исцелившего его недуги духовные. Так умели понимать прежде значение посылаемого от Господа креста.

Ради духовного нашего исцеления, для нашей же пользы попускает нам скорби и испытания милостивый Господь. Но и Сам Он — Муж скорбей, изведавший многие и тяжкие болезни. Поэтому, неся крест свой, чаще всего имей пред сердечными очами твоими распятого Господа. Неужели, вспоминая о том, что претерпел Он для нашего спасения, не стерпишь и ты из любви и благодарности к своему Благодетелю того малого креста, который приблизит тебя к Нему? Люди святой жизни учат, что если мы и не в силах от всего сердца благодарить Бога за скорби, то следует хотя бы и насильно заставлять себя говорить: «Благодарю Тебя, Господи, за скорби, мне посланные», — и этот первый акт покорности, хотя и принужденный, послужит нам благим началом к тому, чтобы со временем благодарить Бога и от души.

Но такого состояния нельзя достичь иначе, как частым общением с Господом чрез принятие Святых Его Таин и чрез молитву, особенно слезную. Слезы сами по себе смягчают душу, а затем облегчают скорби и делают душу лучше и чище. Скорби также лучше всего приготавливают нас к великому таинству смерти, неизбежной для каждого. Примером в этом служит евангельский нищий Лазарь, который за свое терпение сподобился упокоения на лоне Авраамовом.

И не будем, дорогие, не будем унывать в своих скорбях, которых так много, ведь мы имеем такого искусного Путеводителя, Который проведет нас чрез все опасности, спасет и приведет в место светлое и прекрасное, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Аминь.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ДАР БОГА – ВРЕМЯ

Последнее интервью с румынским старцем
АРСЕНИЕМ (Папачоком)

Пожалуй, одна из самых больших радостей в этом мире — общение с Божиими людьми. Господь посылает этих Своих земных ангелов нам то в утешение, то в укрепление, то для совета и назидания, а когда просто как подарок — для душевной радости. Именно таким самым дорогим подарком на последнее Рождество стала для автора этого интервью встреча со старцем Арсением. Поездка к старцу была спонтанной, после неожиданной весточки: «Если хочешь застать отца Арсения в живых, то надо поторопиться». Воображение рисовало смертный одр и немощное тело... Но каково же было удивление, когда взору предстал бодрый отец архимандрит?! Несмотря на приближающийся сочельник, очередь к его келье не убывала. Старец спешил принять всех. Люди выходили от него с улыбками и слезами радости, услышав нужные слова и окунувшись в два океана его добрых глаз. Нашу маленькую делегацию он встретил рассказом о выходящей от него женщине: «Вот, приехала специально попросить, чтобы перестали за нее молиться. Говорит, что с тех пор, как начали молиться, искушения замучили». Он так и продолжал шутить во все время нашей недолгой встречи: то проснувшейся старушке, которая подала ему записку с каракулями, «пригрозил» так же поминать ее сродников, как написаны их имена (после чего записка была переписана большими квадратными буквами), то одного из моих монахов-спутников, попросившего надписать книги с его наставлениями, «срезал» фразой: «Ну что я тебе допишу? Я и так уже целую книгу написал, ты хоть это прочти». Но, хоть и шутил отец Арсений, говорил он в своем последнем интервью об очень серьезных вещах.

— Отец Арсений, вы решили стать монахом сразу после Второй мировой войны, когда в Румынии только установилась коммунистическая власть. Каково это — уйти из мира в монастырь в то время? Не было страшно?

— Меня на этот шаг подтолкнул не тяжелый период, наступивший для нашей страны, не надежда спрятаться и отсидеться за монастырскими стенами, а желание служить Богу и жить после этой — земной — жизни.

Кого бояться, если Христос вос-

крес?! Он победил мир. Кто с Ним не собирает жатву, тот ее рассеивает. Смерть приходит не для того, чтобы вы ей сделали кофе. Она приходит забрать нас. Она задает нам вопрос вопросов: почему не любили, почему враждовали между собой? Смерть —

ИЗ ПОУЧЕНИЙ ОТЦА АРСЕНИЯ

Хотел бы побеседовать с вами о том, что тронуло бы вас. Надо лететь обоими крыльями, только вверх — без малейшего отклонения. Ради того, что сделал для нас Христос, не разрешается ни малейшего уклонения. Но если и случилось такое, без нашей воли, то надо бежать к духовнику, чтоб отпустил нам. Потому что любая напасть не значит ничего, если вера остается на ногах. Самый большой выигрыш сатаны — это наша обескураженность после какого-то падения или немощи. Дорогие мои, преодолеть уверенно большие расстояния можно не иначе, как шаг за шагом. Я не спрашиваю вас, слышали ли вы об аде. Вы слышали о нем, но не знаете его! Беритесь с этого момента познавать рай. Вы знаете себя только по паспорту, но не знаете свои сердца, свои возможности.

Нет малого греха

Один человек сказал мне, что он имеет маленький грех. Но я знаю грех и меньше, чем его. Адам не сделал ничего, кроме того, что только откусил от яблока. Он не был против Бога, не сомневался в существовании Божественной силы, но он не послушался. И перевернул и небо, и землю. Не существует малого греха! Должен был прийти Христос спасти естество человеческое. И Он принес нам больше того, чем погубил нас Адам! Христос дал нам возможность обожествления. Мы, малое существо, имеем божественные силы! В нас есть животность, но где заканчивается она,

начинается человек. До каких пор, спрашивается, будем давать ей свободу действовать в нас?

Бог создал нас только для Себя

Дорогие мои, человеческое существо выше всего творения. Человечество выше ангелов. Бог создал ангелов с великой миссией. Они многое могут, потому что чисты. Бог создал нас только для Себя. Ни для кого другого — ни в коем случае! Создал нас, чтобы мы были с Ним во веки веков, и для этого сделал нас свободными и дал нам ангела-хранителя, которого вы забыли! Но чувствовали ли вы диавола за своей спиной? Тогда можно понять, насколько важен против него ангел-хранитель. Говорят, что невозможно не умереть, если увидеть ангела в его истинном свете. Ангел имеет грандиозно важную миссию. Все ваши мысли и слова, адресованные Богу, ангел относит к Нему.

Смерть приходит не для того, чтобы ей приготовили кофе

Мне доводилось быть возле многих людей, находившихся при смерти. Страшные крики издавали они от вида демонов и своих грехов — вот какое прозрение приходит в последние минуты! Но не могли спастись, потому что смерть приходит не для того, чтобы ей приготовили кофе! Она приходит, чтобы взять тебя. И уносит туда, где только факты, а не разговоры. И все они хотели прожить еще один

это реальность, а не страшилка. Она не опаздывает. Понимание этого заставило меня не просто рационально размышлять, что будет после смерти, а серьезно заглянуть вперед.

— Вы участвовали в движении «Неопалимая Купина». Что оно давало людям в то время? Какие плоды принесло?

— Смыслом нашей деятельности были не только разговоры о вере и Боге, но и исполнение заповедей. Об этом говорит Сам Господь: нужно не просто произносить вслух: «Боже! Боже!», а исполнять заповеди. Это было движение за обновление духовной жизни, которое собрало самых разных людей.

Новым властям очень не нравилось наше существование, но они никак не могли нас обоснованно закрыть, поэтому осудили нас как организацию, подрывающую основы нового государства. Расследование длилось три месяца и было невыносимым. Последним судом я был приговорен к 40 годам тюрьмы, в основном за участие в движении «Неопалимая Купина».

— Четырнадцать лет вы от-

сидели в тюрьме за свою веру. Что вынесли оттуда?

— Господь дал мне идею, которую надлежит исполнять: небо мое, прими и меня в себя. Самый большой дар Бога — время, которое Он нам дает. Ведь каждый из нас просит перед смертью: оставь мне, Господи, и сегодняшний день. Это был необыкновенный опыт, мы вышли оттуда умудренными. Тюрьма — это большой подвиг. Она смиряла тебя, потому что Сам Господь держал твою душу. Но ты знал, что все эти страдания ради великой Истины, так как была цель изуродовать твои идеи и душу различными их методами. И единственный способ выстоять и победить в этой ситуации — не принимать их идей. Ты мог стать великим героем, когда говорил: «Господин, я не принимаю этого!» Это стоит жизни.

Меня лично допрашивал один полковник. Я видел с его стороны особое отношение, так как был священником и монахом, хотя и носил одежду осужденного. И вот меня, такого усмирённого, по крайней мере по одежде, спрашивает этот полковник: как я могу объяснить существование

Бога? Я ему отвечаю: «Господин полковник, да само существование наше, наше дыхание, наш дух, интеллект, разум доказывают это». Дальше я рассказал, что весь мир и все в нем создано Великим Творцом, и люди тоже сотворены не случайно. И еще объяснил ему, зачем Христос пришел в мир, дал Себя распять и воскрес. И в конце спросил, почему он не верит в это? Это был смелый шаг с моей стороны — спросить его об этом. Но я должен был защищать свою Правду. Он сказал, что война, которая была в России во имя креста, убедила его, что Бога нет. Я воскликнул тогда: «Вы что?! Ради какого креста, господин полковник?! Это сумасшедший Гитлер хотел завоевать Россию и думал, что русские ему это позволят!» И тогда я спросил еще: «Хорошо, а перед этой войной почему не верил?» Его ответом был вопрос: какой мой последний аргумент? Я сказал ему, что готов умереть за свою Истину, но я вижу, что умирать мне не с кем, имея в виду его. Тогда он начал кричать, чтобы меня увели.

— Какие сегодня самые страшные духовные болезни у общества?

день. Скажете, что это очень мало, но вы видите, что, когда дыхание останавливается, насколько важно это мгновение. Божественная справедливость обрамлена великой Божественной любовью и прощает нас одним вздохом. Это побудило меня говорить, что мгновение может быть временем и один вздох может быть и молитвой. А один великий сказал, что этот момент является более важным, чем кувшин слез. Бог хочет искреннего сердца, а не тысячи молитв. Он хочет наше сердце. Нет ничего у Бога более дорогого, чем время. Он дал нам его, чтобы мы спаслись. Он терпел нас, ждет нас: может быть, мы поднимемся?! Это милость Божия держит нас всю жизнь! Если бы мы могли спросить у тех, кто на небесах: каким способом вы достигли такого счастья? — ответ был бы: «Временем. Немногим временем, прожитым хорошо». Бог сотворил нас свободными, чтобы мы воевали, так как Божия милость не приходит к какому-то убогому, а приходит к герою.

Если вы не можете любить своих врагов, хотя бы не ненавидьте их

Любить врагов своих — это заповедь, а не совет! Я, беседовавший со многими людьми, чувствовал, что люди хотят сказать мне: «Батюшка, не могу! Делайте все, что угодно, дайте мне тысячу поклонов в день, но не говорите мне, чтобы любил врагов моих». Видите дьявольские когти, которые властвуют над каждым? Если не можешь любить своих врагов, хотя бы не надо их ненавидеть — и вот вы больше не в болоте, а на ступеньке. Давайте немножко взвесим покупчески. Эти люди не виноваты, виновны мы, потому что

мы не умеем любить и ценить их! Что мы сделали для этого мира, если пойдет речь о деталях спасительного пути? Что мы сделали для этого мира? — это просится с нас. Огонь ада — это реальность, а не страдание, придуманное духовниками или священниками для религиозного воспитания. Ад — это страшная реальность! И если ты не прощаешь, то идешь в вечный огонь. Там огонь в тысячу раз сильнее, чем огонь здесь, и он без света. Не видно никого! И остаешься там не на некоторое время, а навсегда! Постарайтесь понять, как это ужасно! Потому что не только физическая боль мучает тебя, но и сознание того, что ты оторван от Божественной любви навсегда. Ужасает эта вечность, братья мои!

40 лет — это время, а не вечность

Одному человеку открылись страдания ада: он увидел стоящего по лодыжки в огне человека, который страшно кричал. И спросил он его, почему так страшно кричит. «Потому что вечно я в этом огне!» — был ответ. И пошел тот дальше и встретил другого, который был по шею в огне, но время от времени радовался. И сказал этот: «Гораздо больше, чем другие, я в огне, но радуюсь, когда кто-то из моих родственников становится священником, а через 40 лет он выгасит меня отсюда». Видите: 40 лет — ведь это время, а не вечность. Он был счастлив, потому что у него была надежда. Братья, на Божием суде нас спросят: почему вы не любите? Потому что были враждебными, потому что осуждали, потому что убивали?! Боритесь! Почему не хотите попросить Божией благодати? Когда приходят различные

— Забвение Бога. Надо помнить постоянно, что Господь каждую минуту присутствует посреди нас. Он не заставляет нас совершать какие-то подвиги, а просто хочет, чтобы мы помнили о Его присутствии, чтобы у нас было осознание, что мы ходим под Ним. С нас спросится и за то, почему мы ненавидели друг друга, забывая о Нем. Времени у нас мало, поэтому нам надо быстро соображать, чтобы понять, что нужно делать.

— У вас тысячи духовных чад. Чем наделяет вас Господь, чтобы вести эти души ко спасению?

— Своим постоянным присутствием в моем сердце. Памятованием того, что сердце не должно «ходить на лево». Мы можем идти через огонь и воду, но сердце наше должно принадлежать Ему. Каждый человек знает, что лично ему нужно, чтобы спастись. У нас есть крест как символ спасения, который нас учит...

Поклоняйтесь Богу всей душой своей. Не надо креститься формально. Проживайте тот момент, когда креститесь. Господь не будет спрашивать, чего ты не знал. Он спросит, почему ты не выполнил того, что знал.

— Раньше люди уходили в монастыри, чтобы быть наедине с Богом. Сегодня люди идут в монастыри как в лечебницу, чтобы прилепить пластырь на свои больные сердце и душу, чтобы вдохнуть здесь чистого воздуха. Что вы рекомендуете в первую очередь тем, кто хочет преуспеть в духовной жизни?

— Нужно иметь в себе состояние внутреннего, сердечного веселья, в котором можно пребывать, имея непрестанную молитву. Настоящее состояние веселья, освобожденное от житейских и прочих проблем. Любым образом надо стараться быть в этом состоянии, потому что, имея печаль, мы «высигиваем» диавольские яйца. Надо быть свободным от помрачения. Если человек умирает не в духовном подвиге, не поднимая знамя истинной веры, то тогда все творение страдает. Мы живем в тесной взаимной связи, поскольку все творение Божие едино. Если мы отделяемся от этого всеобщего единства, то сами себя уничтожаем. Поэтому я рекомендую нести духовные подвиги. И всемирную трагедию нужно оплакивать как собственные наши грехи. Состояние

молитвы означает состояние присутствия пред Богом. Я, как духовник, беседующий весь день с людьми, которые нуждаются в том, чтобы прямо ходить пред Господом, не рекомендую какие-то особые непосильные подвиги. Я рекомендую состояние постоянного присутствия, что означает признание благих сил, которые находятся в каждом из нас.

— Расскажите, как рождается и приобретается это состояние присутствия?

— Это вопрос, на который невозможно ответить сполна. Я сидел с разными людьми, мне дали 40 лет. Сначала мне было смешно, потому что везде ко мне относились как к страшному убийце. В Жилаве один капитан, когда раздевал и стриг меня, спросил: «Эй, тебя за что?» «Да ни за что!» — ответил я ему. «Слышь ты, если бы ты ничего не сделал, то дали бы лет 10—15, а не 40...» Оказывается, если бы даже я ничего не делал, все равно посадили бы на 10—15 лет. Вот с кем мы имели дело. И вот среди них — тех, кто тебя раздевал, кто убивал тебя, — важно было чувствовать свое присутствие перед Богом.

Они меня не убили, хотя, наверное,

соблазны, взывайте ко Христу: Господи Иисусе, Господи Иисусе! Не стойте истуканами, проживайте каждый момент. Это трудно, но Бог понимает и хочет вам помочь. Он с нами, потому что любит. Давайте и мы любить друг друга.

Не осеняй себя крестом так, словно играешь на балалайке

Когда мы осеняем себя крестом, мы поклоняемся Святой Троице. Когда вы поднимаете руку ко лбу, это вся высота — Отец, потом вся глубина — Сын, и переходить на плечи, на всю ширину — Святой Дух. Поэтому бежит диавол от креста! Но если вы делаете так, словно играете на балалайке, то тогда не знаю, какие демоны убегут — скорее этим подбодришь их.

Большая любовь к Богу требует постоянной жертвенности

Община, как и целая нация, живет теми, кто вырывается, кто пребывает на кресте не сдаваясь. Большая любовь к Богу требует постоянной жертвенности. Мы никогда не будем жить без проблем и без мечей, направленных против нас! Не помните разве учения Христова? «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч... Враги человеку — домашние его». Но это не должно никого обескураживать никоим образом. Даже если человек страдает от этих несчастий, это не означает, что ему нужно сдаваться. Нет. Бог знает о твоём горе, а эти страдания закаляют тебя — чтобы помочь, чтобы ты заслуживал быть увенчанным Богом, потому что Он этого

хочет. Мы не можем представить себе спасенного человека без заслуг. Откуда приходят эти заслуги? От борьбы со страданиями. А борьбы без жертв не бывает! Крест спас человеческий род! Не Божия справедливость, не Его чудеса, а Крест! Только когда Иисус был распят, тогда был побежден сатана. Спаситель пережил триумф на Кресте, а сатана был побежден. Так что ни один христианин не освобожден — ни в коем случае — от своего креста, потому что это подарок от Бога, мои дорогие! Это не обязательно наказание. Но даже и наказание как таковое означает возможность возвращения к добру.

Не творите добрые дела из чувства обязанности

Если вам посчастливилось сотворить добрые дела, то нехорошо делать это только из чувства обязанности, потому что так вы становитесь «казенными». Сотворим их из любви в любом проявлении и столько, сколько мы можем. Потому что Бог не держит нас на этой земле из-за того, что мы очень достойные. Он держит нас потому, что Он очень милостивый, и отсюда и приходит вся наша милость. К примеру, если есть кто-то враждующий с кем-то, не осуждайте его, хоть он на самом деле ведет себя неправильно и не понимает этого. В этом случае неудобно и вам, и другим. Но если бы человек спросил у Бога об этой ситуации, то Он ответил бы ему: «Дорогой мой, Я люблю его таким, какой он есть. Именно поэтому держу его в жизни. Переходи на мою сторону, оставь и не враждуй больше с ним. Я Бог, и тебя тоже Я держу. Ты сколько ошибок делаешь, и Я не принимаю их

преследовали такую цель, когда бросили в холодный карцер. Через три дня я, по их расчетам, должен был умереть. Я не умер за три дня. Дали пять, потом семь. А я не умер все равно. Бог не хотел. Но было очень трудно. Важно в том месте, где ты находишься, присутствовать перед Богом! А потом — будь что будет. Человек же я, а не солома на ветру. Смерть не имела значения, потому что она была спасением! Но был в человеке дух, луч жизни, который не сдавался. И не имели мы другого идеала, как да удостоил бы нас Бог этого счастья — умереть в мучениях разорванными ради той искры Истины, которую мы знали и ради защиты которой были готовы пойти на брань с силами тьмы — не на жизнь, а на смерть. Это девиз каждого христианина.

В молодости я был единственный из нашего села, кто ходил в церковь. Ни бабки, ни старики, никто — только я один. И однажды священник сказал: «Один у меня ходит в церковь, да и тот не стоит службу до конца». Я когда услышал эти слова, не понял их значения до конца. Я тогда был еще ребенком, поэтому думал, что все уже закончилось. Не знал я, что такое литургия, был еще

малым. Но после тех слов я больше не выходил из церкви, пока не выйдет и священник, чтобы быть уверенным, что служба закончилась.

Никакое образование и ничто другое не формирует в тебе состояние постоянного присутствия перед Господом, как тюрьмы и страдания. Большую ошибку совершает тот, кто игнорирует страдания, потому что только в испытаниях мы отдаем свое сердце Богу.

— *Что самое главное вы обрели за свою более чем 60-летнюю монашескую жизнь?*

— Вступив на монашеский путь, я почувствовал себя очень маленьким и незначительным, но при этом я почувствовал огромную важность того огня, который зажегся вместе с моим рождением в новом виде моего существования. Это среди мирян невозможно прожить и познать, потому что там нет такого золотого креста, как оставление своей воли.

В монашеской жизни проявляются многие немощи человека, и чувствуешь необходимость принижать себя: это главный стержень духовного формирования личности нового че-

ловека — монаха. В монашестве с Божиим даром оттачивается ум и смиряется сердце, и ты не знаешь, откуда тебе известны скрытые раньше вещи. Здесь ты знаешь, что смиренный человек не видит себя смиренным. В монастыре открываются бесконечные возможности чистой жизни, в том числе быть рядом душою и ощущать, что «Бог хочет дать тебе больше хорошего, чем ты просишь». Как говорит блаженный Августин: «Чувствуешь порыв к большой надежде»; и как говорит Соломон: «Кто надеялся на Господа — не устыдился».

Но самая большая благодарность у меня есть к бесконечной доброте Господа, Который дал нам познать ходатайство и заступничество Божией Матери — совершенной Защитницы грешников. Чтобы изменить нашу жизнь, нам нужна только сильная воля и большое доверие к милости Богородицы и Ее всемогущей помощи. В монастыре я зажег радость в душе своей, доверившись молитвам Матери Божией — великой Заступнице нас, слабых.

Публикуется в сокращении

Игорь Зыбин
Православие.ру

во внимание!» Это интимный диалог со смирением. Поступите так, и вы. И восходит любыми способами любовь, без которой невозможно ничего сделать, даже если вы сдвинете горы, даже если вы разорвете ваше тело или сожжете его ради Христа. Благоедеяние — это ведь не только положить что-то в сумку. Милосердие — это когда принимаешь человека, разрешаешь ему быть рядом с тобой, не изгоняя его в своих мыслях. Есть у вас кто-то, у которого есть беда, — нужно знать, как его утешить, как распрямить складки на его лбу. О бедных можешь кратко помолиться: «Господи, помилуй его!» — если ты не можешь что-то дать ему, потому что, например, ты едешь в трамвае, а он стоит на тротуаре. Вопрос ставится так: как наше сердце относится к страданиям вокруг нас? Самая важная вещь, о которой нас спросят на Суде Божиим, — это: почему мы не дали больше внимания нашим близким?

Быть милосердным — значит быть с Христом

Если ты милосердный с одним, с другим, то очевидно, что ты с Христом. А ты и не ведаешь, что тот, кому ты помогаешь, может быть Христом. Он не протягивает руку, чтобы ты ему дал, он протягивает руку для того, чтобы дать тебе Царство Небесное, а ты не замечаешь этого. И обычно люди ищут самую мелкую монетку в своем кармане.

Братья мои, помните, что нищие — это библейские персонажи! И ты прошел мимо твоего спасения так легко! И еще страшнее то, что ты отнесся с презрением к этому нищему. Нищие не погибают никогда. Они собираются вместе на краю дороги и делают то, что им подали, и говорят: «Это от этого — помани его, Господи, в Царствие Твоем!» И это имеет значение. Спаситель, чтобы воодушевить нас, сказал: «Получите сторицей!» Хотите разбогатеть? Отдайте все, что у вас есть! Получишь сторицей! Эти слова говорю не от себя.

Если бы вы знали жизнь святого Иоанна Милостивого, устрашились бы! Святой Иоанн, когда пришел в архиепископию, спросил: «Сколько золота в архиепископии?» Ему ответили: «Столько килограмм золота!» — «Отдайте бедным!» Когда услышали это экономай, сказали, что они обеднеют. Но вернулось обратно сторицей — и без того, что он отдал. Опять отдавал, опять приходило в сто раз больше. Экономы всегда сетовали. Видите: человек не замечает, когда получает, но замечает, когда отдает. Но приходило сторицей — с точностью! Есть слово в Священном Писании. Я не имею права противоречить этому слову. И привыкайте к авторитету слов из Священного Писания. Таинства Церкви основаны на словах Священного Писания.

ИЗ КАКИХ МОЛИТВ ДОЛЖНО СОСТОЯТЬ МОЛИТВЕННОЕ ПРАВИЛО МИРЯНИНА

Молитвенное правило мирянина состоит из утренних и вечерних молитв, которые совершаются ежедневно. Этот ритм необходим, ибо в противном случае душа легко выпадает из молитвенной жизни, как бы просыпаясь лишь от случая к случаю. В молитве же, как и во всяком большом и трудном деле, одного вдохновения, настроения и импровизации недостаточно.

Существует три основных молитвенных правила:

1) полное молитвенное правило, рассчитанное на монахов и духовно опытных мирян, которое напечатано в Православном молитвослове;

2) краткое молитвенное правило, рассчитанное на всех верующих; утром: «Царю Небесный», Трисвятое, «Отче наш», «Богородице Дево», «От сна восстав», «Помилуй мя, Боже», «Верую», «Боже, очисти», «К Тебе, Владыко», «Святыи Ангеле», «Пресвятая Владычице», призывание святых, молитва за живых и усопших; вечером: «Царю Небесный», Трисвятое, «Отче наш», «Помилуй нас, Господи», «Боже вечный», «Благого Царя», «Ангеле Христов», от «Взбранной Воеводе» до «Достойно есть»; эти молитвы содержатся в любом молитвослове;

3) краткое молитвенное правило преподобного Серафима Саровского: три раза «Отче наш», три раза

«Богородице Дево» и один раз «Верую» — для тех дней и обстоятельств, когда человек находится в крайнем утомлении или весьма ограничен во времени.

Продолжительность молитв, их количество определяются духовными отцами, священниками, учитывая образ жизни каждого и его духовный опыт.

Совсем опускать молитвенное правило нельзя. Даже если молитвенное правило читается без должного внимания, слова молитв, проникая в душу, оказывают свое очищающее воздействие.

Одному семейному лицу святитель Феофан пишет: «На случай надо уметь сокращать правило. Мало ли в семейной жизни случайностей. Когда дела не позволяют совершить вполне молитвенное правило, то совершайте его сокращенно.

А спешить никогда не должно... Правило — не существенная часть молитвы, а есть только внешняя ее сторона. Главное же дело есть — молитва ума и сердца к Богу, возносимая со славословием, благодарением и прощением... и наконец с преданием Господу всецело. Когда есть такие движения в сердце, есть там и молитва, а когда нет, и молитвы нет, хотя бы вы целые дни простояли на правиле».

Особое молитвенное правило совершается во время приготовления к Таинствам исповеди и причащения. В эти дни (они называются говением и продолжаются как минимум три дня) принято более прилежно исполнять свое молитвенное правило: кто читает обычно не все утренние и вечерние молитвы, пусть читает все полностью, кто не читает каноны, пусть в эти дни читает хотя бы по одному канону. Накануне, причащения надо быть на вечернем богослужении и прочитать дома кроме обычных молитв на сон грядущим канон покаянный, канон Богородице и канон Ангелу-хранителю. Читается также канон ко причащению и, кто пожелает, акафист Иисусу Сладчайшему. Утром прочитываются утренние молитвы и все последование ко святому причащению.

Во время говения молитвы особенно продолжительны, для того, как пишет святой праведный Иоанн Кронштадтский, «чтобы продолжительностью усердной молитвы разогнать наши хладные, в продолжительной суеде закаленные сердца. Ибо странно думать, тем более требовать, чтобы заматеревшее в суеде житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотой веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд, и время. Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12). Не скоро Царствие Божие приходит в сердце, когда от него так усердно люди бегают. Сам Господь Бог изъявил волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, долгое время ходившую к судье и надолге (долгое время) утруждавшую его просьбами своими (Лк. 18, 2—6)».

По страницам книги
«Как учиться домашней молитве»

ВСЕВОЛОД ГАРШИН

СКАЗАННЁ О ГОРДОМ АГГЕЕ

(Пересказ старинной легенды)

Жил в некоторой стране правитель; звали его Аггей. Был он славен и силен: дал ему господь полную власть над страной; враги его боялись, друзей у него не было, а народ во всей области жил смиренно, зная силу своего правителя. И возгордился правитель, и стал он думать, что никого нет на свете сильнее и мудрее его. Жил он пышно; множество у него было богатства и слуг, с которыми он никогда не говорил: считал их недостойными. С женою своею жил в ладу, но держал и ее строго, так, что не смела она сама заговаривать, а ждала, пока не спросит ее или не скажет ей что-нибудь муж.

Жил так Аггей один, точно на высокой башне стоял. Снизу толпы народа на него смотрят, а он не хочет никого знать и стоит на своем низеньком помосте; думает что одно это место его достойно: хоть одиноко, да высоко.

Пошел в праздник Аггей в церковь. Пришел он туда с женою своею в пышных одеждах: мантии на них были золотканые, пояса с дорогими камнями, а над ними несли парчовый балдахин. И впереди их и сзади шли воины с мечами и секирами и довели их до царского места, откуда им слушать службу. Вокруг них стали начальники да чиновники. И слушал Аггей службу и думал по-своему, как ему казалось, верно или неверно говорится в святом писании.

Начал протопоп книгу читать и дошел он до того места, где написано: «богатые обнищают, а нищие обогащают». Услышал Аггей такие слова и разгневался.

— Что ты, — говорит, — поп, вздумал читать такую ложь? Не знаешь разве, как славен я и богат? Как мне обнищать и нищему обогатить против меня?

Протопоп же не слушал его и дальше стал читать книгу, и службу отслужил до конца, не отвечая Аггею.

И разъярился правитель: протопоп велел заковать в кандалы и посадить в темницу, а лист, на котором те слова были написаны, велел из книги выдрать.

Отвели протопоп в темницу и лист выдрали, а правитель Аггей пошел в свои палаты пировать и на пиру пил, ел и веселился.

Шел за городом один юноша и увидел оленя, такого рослого и красивого, что до тех пор и не видывал. И захотел он угодить правителю: побежал в город, пришел в его палаты и сказал об олене слугам. Донесли о том Аггею, и приказал он собираться на охоту.

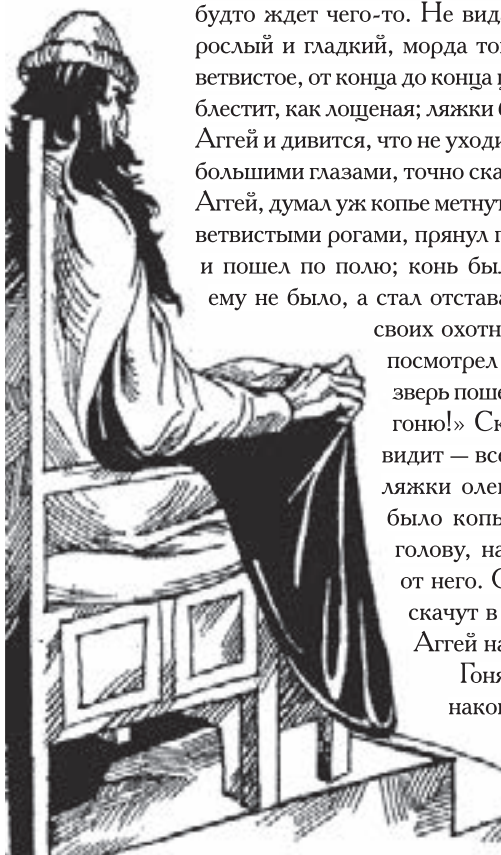
Выехала охота в поле; увидели оленя и поскакали к нему. Стоит олень, голову поднял, на охоту оглядывается, будто ждет чего-то. Не видал такого зверя и сам Аггей: рослый и гладкий, морда тонкая, умная; рога как дерево ветвистое, от конца до конца целая сажень. Шерсть гнедая, блестит, как лощеная; ляжки белые, как снег. Скачет к нему Аггей и дивится, что не уходит олень, а на него все смотрит большими глазами, точно сказать что-то хочет. Подскакал Аггей, думал уж копьё метнуть; повернулся зверь, взмахнул ветвистыми рогами, прынул первым скачком на три сажени и пошел по полю; конь был у Аггея такой, что и цены ему не было, а стал отставать. Обернулся правитель на

своих охотников, а их уже едва и видно; посмотрел вперед на оленя и видит, что зверь пошел тише. «Ну, — думает, — догоню!» Скачет во всю конскую мочь и видит — все ближе и ближе к нему белые ляжки оленьи мелькают. Только хотел было копьё бросить — олень обернул голову, надал — опять Аггей далеко от него. Охоты уже давно не видно, и скачат в чистом поле только олень да Аггей на коне.

Гонялся он за ним полдня; видит наконец, что олень к реке бежит.

«Ну, — думает, — если направо пойдет — пропал, а налево — мой!» Налево река луку сделала, и некуда

зверю было оттуда уйти: сзади охотник, спереди река широкая, ни человеку, ни зверю не переплыть. Повернул олень налево; задрожало у Аггея сердце от радости. Скачет, а сам думает: «Скоро река, некуда тебе уйти». Подскакал олень к берегу, а недалеко от берега островок небольшой, а на острове кусты густые и лес мелкий.

Прыгнул олень со всего размаха в воду, окунулся, вынырнул и поплыл на остров. Подскакал Аггей и видит, что зверь в кусты ушел. Погнал и он коня в воду.

Ступил конь в воду, шагнул три раза и ушел в воду по шею, а дальше нога и дна не достает. Повернул Аггей назад на берег, думает: «Олень от меня и так не уйдет, а на такой быстрине, пожалуй, и коня утопишь». Слез с коня, привязал его к кусту, снял с себя дорогое платье и пошел в воду. Плыл, плыл, едва не унесло. Наконец попробовал ногой — дно. «Ну, — думает, — сейчас я его достану», — и пошел в кусты.

Разгневался Господь на Аггея. Призвал он к себе ангела и повелел ему, приняв на себя вид Аггеев, одеться в его платье, сесть на коня и ехать в город. И исполнил ангел волю Господню по слову его.

Искал, искал зверя Аггей по кустам — нет зверя. Весь остров кругом обошел; поперек сквозь кусты излазил — нет ничего. И не придумает Аггей, куда девался олень: впереди — река широкая, никакому зверю не переплыть; да и увидел бы он оленя, если бы тот поплыть вздумал. Досадно стало Аггею; однако делать нечего, надо назад воротиться. Он вышел к воде, бросил копье, чтоб не мешало, и приплыл к берегу. Смотрит — ни коня, ни платья нет. Рассердился правитель, подумал, что украли, и решил строго наказывать вора. Вышел он из воды, поднялся на крутой берег — чистое поле, нет никого. Нечего делать, нужно голому идти. Идет, а трава ему ноги режет; непривычны они босиком ходить; солнце печет голое тело и голову. Шел, шел Аггей, поднялся на пригорок; видит, в долине пастух коров и телят пасет. Остановился Аггей и начал ему рукой махать.

— Эй, ты, — говорит, — поди сюда!

Пастух на него смотрит, удивляется. «Откуда, — думает, — среди чистого поля голый человек взялся?» Пошел к нему потихоньку; в одной руке кнут длинный, в другой — труба берестовая; сам в лаптях и в зипунишке худом; через плечо мешок для хлеба повешен. Аггей на него закричал:

— Ты чего не идешь, когда зовут?

— А ты кто такой? — спрашивает пастух. — Чего тебе надобно?

— Не видел ли, кто мое платье взял и коня увел?

— Да ты кто такой сам-то? — опять спрашивает пастух.

— Как, ты меня не знаешь? Я правитель ваш, Аггей.

Посмотрел на него пастух и засмеялся.

— Что ты, дурак, городишь! Правитель наш сейчас мимо меня в город с охоты проехал. Долго его тут охотники искали и нашли: вместе поехали.

— Пошел, пошел, — говорит пастух, — а то кнута отведаешь.

Не вспомнил себя правитель от гнева. Забыл он, что наг и безоружен, и бросился на пастуха. Схватил за плечо,

хотел ударить, но пастух был сильнее: повалил он Аггея на землю и начал бить берестовою трубою. Бил-бил, пока береста вся не расплелась, и отошло тогда у него сердце.

— Вот, — говорит, — тебе за такие слова. Ступай!

Поднялся Аггей, весь избитый, побрел потихоньку. А пастух подумал, и жаль ему стало. «Напрасно, — думает, — я человека избил: может, он шальной какой или сумасшедший».

Отошел Аггей немного от пастуха, слышит, тот зовет его.

— Эй ты, воротись!

Аггей обернулся, смотрит, а пастух в одной руке что-то держит, а другою рукою к себе его манит.

— Воротись! — кричит: — Куда ты голый пойдешь?.. На тебе хоть мешок.

Стоит Аггей, не шевелится. Горько и стыдно стало душе его. Пастух достал нож из-за пояса, прорезал в мешке три дыры: одну для головы, а две для рук, и подошел к Аггею.

— Мешок-то у меня пустой, хлеб весь съел. Нехорошо человеку голому ходить; надень вместо рубахи.

Надел он на него мешок. Пошел Аггей, ни слова не сказавши, в город. Идет, а сам думу думает о своей напасти и не знает, откуда она на него пришла. Обманщик, видно, какой-нибудь, на него похожий, его платье взял и коня увел. И чем дальше идет Аггей, тем больше сердце у него разгорается. «Уж покажу я ему, что я Аггей — настоящий, грозный правитель. Прикажу на площадь отвести и голову отрубить. А пастуха тоже так не оставлю», — подумал Аггей, да вдруг вспомнил про мешок и застыдился.

Шел он до вечера, а до города еще далеко. Пришлось ему в поле ночевать; зарылся в копну и проспал всю ночь. Поднялся с зарею и опять пошел; недалеко от города вышел на большую дорогу. По дороге много народу в город на базар идет и едет. Догоняет его обоз; стали его извозчики спрашивать, что он за человек и отчего это он в мешок одет.

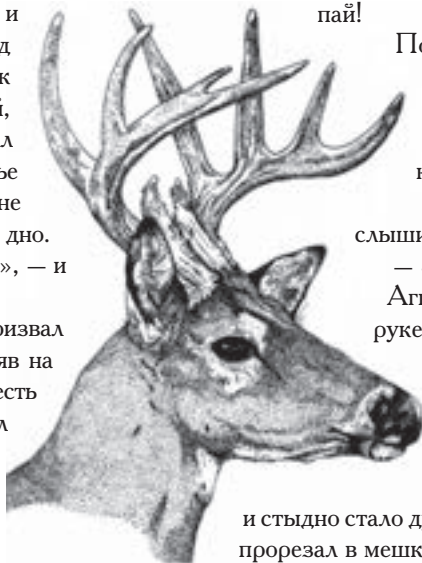
Вспомнил Аггей про пастуховы побои и побоялся сказать правду.

— Я, — говорит, — не здешний житель; ехал я через ваш город по делам, да дорогой напали на меня разбойники, всего избили и ограбили, и коня, и платье, и деньги отняли. Надели на меня мешок, да и пустили.

Пожалели его добрые люди: собрали кто рубаху, кто штаны; один дал ему опорки старые, другой — кафтан, а третий — шапку. Поблагодарил их Аггей, спросил, как зовут и где их найти, и пошел в город уже повеселее.

«Скоро, — думает, — моему мучению конец. Злодея накажу, а тех, кто мне помог, награжу».

Пошел он прямо на соборную площадь: там его палаты стояли. Думал он в свои ворота войти, не узнала его стража и не пустила. Побоялся он, как бы опять бить не стали, отошел и стал думать, что ему делать. Идти прямо в дом к себе нельзя: пока дойдешь до обманщика, и избыют, и в тюрьму посадят, и убьют, пожалуй. «Надо потерпеть»,

— думает. Пошел на базар, где поденщики нанимались, и стал в толпу. Наняли его за малые деньги кирпичи на постройку носить. Трудна была ему работа: все плечи в кровь с непривычки истер, а сам весь будто разбитый. Получил он под вечер деньги и разделил их на три части: на одну хлеба купил, поел, другую про запас на ночлег оставил, а на третью купил бумаги, чтобы написать жене своей письмо. Была у них одна великая тайна: знал про нее лишь он да жена его, и чтоб поверила она письму, написал он про эту тайну и, подойдя к своему дому, увидел одну женщину из прислужниц жены и отдал ей письмо для передачи. Не узнала его в дурном платье и женина служанка. Стал Аггей недалеко от ворот, ответа поджидает.

А жена его, видя, что муж ее при ней, не могла поверить тому письму. Подумала, не проговорился ли муж кому про ту тайну и не злодей ли какой хочет смутить ее. Боялась она своего грозного мужа и знала, что если узнает он, что ей такие письма приносят, то накажет ее, не разобрав дела. И чтобы отогнать того человека, что письмо написал, и напугать его, чтобы никогда больше не смел смущать ее, приказала слугам схватить его, привести во двор и высечь жестоко. Исполнили это слуги, отпустили Аггея чуть живого. Припелся он на постоялый двор и всю ночь промучился: к утру лишь заснул. И телу его было больно, а на душе и того хуже: гнев бессильный и ярость связанная терзали его, а хуже мучения нет.

На другой день пришел праздник, и стали хозяева с постоялого двора в церковь собираться. Нарядилась хозяйка и вышла за ворота, а муж во дворе чем-то замешкался. Стала жена мужа звать.

— Иди, — кричит, — а то правитель в церковь пройдет, и не увидим его.

Услышал это Аггей и спрашивает:

— А кто у вас правитель?

— А ты не здешний, видно, что не знаешь? Правитель у нас Аггей. Правит он городом и всюю областью уже двенадцать лет. Грозный у нас правитель: вчера увидела я его на улице, со страху чуть не упала.

Пошли хозяева в церковь, а Аггей не знает, что ему и думать. Махнул он рукой. «Будь что будет, — думает, — хуже того, что теперь, себе не сделаю; хоть и казнят меня, а пойду и обличу злодея». И пошел за хозяевами к собору и стал с народом на паперти, где проходить правителю.

И видит Аггей: идут его воины-телохранители с секирами и мечами, и начальники, и чиновники в праздничных одеждах. И идут под балдахином парчовым правитель с правительницей: одежды на них золототканые, пояса дорогими камнями украшенные. И взглянул Аггей в лицо правителю и ужаснулся: открыл ему господь глаза, и узнал он ангела божия. И бежал Аггей в ужасе из города.

Бежал он долго, сам не зная, где и куда. И очутился он в дремучем лесу, и упал от усталости под деревом, и долго лежал без сил и без памяти, как будто бы оставила его на время душа его.

Проснулся он ночью, и дико ему стало. Забыл, что случилось в последние три дня, и не знает, отчего звезды из-за веток смотрят на него, отчего над ним деревья от ветра шумят, отчего ему холодно и лежит он не на своей пуховой постели, а на сырой траве. Стал вспоминать и все припомнил.

И горько плакал Аггей. Вспомнил он всю жизнь свою и понял, что не за выдраный лист наказал его Господь, а за всю жизнь. «Прогневал я Господа, — думает, — и будет ли мне теперь пощада и спасение?»

Долго лежал он и плакал, каясь в грехе своем и прося у бога помощи и силы. И послал ему господь силу.

Рассвело; Аггей встал, и вышел из леса, и пошел на светлый божий мир, к людям.

Год прошел, другой проходит, а жена Аггеева все думает, что муж ее вместе с нею в палатах живет. Только удивляется она, отчего муж ее стал смирен и добр: не казнит никого и не наказывает; на охоту не ездит, а только в церковь ходит да разбирает ссоры и тяжбы и мирит поссорившихся. Видится она с ним редко; посмотрит он на нее кротко, не по-прежнему, скажет ласковое слово и уйдет в свою горницу, и там затворится и сидит один.

Приступила она к нему наконец:

— Господин мой, скажи мне, чем я прогневала тебя, что ты удалил от себя жену

Гаршин Всеволод Михайлович (1855-1888), — известный русский писатель.

Православное воспитание Гаршина наложило отпечаток буквально на все его произведения. У этого писателя бесполезно искать богоборческие мотивы, столь «модные» в литературе его времени, — их попросту нет. На страдание Гаршин смотрел как на закономерность бытия, ему было близко русское представление о счастье: оно не мыслилось без жертвенного оттенка. Вот почему темы страдания и самопожертвования стали едва ли не главными в его творчестве. Религиозное чувство дает себя знать и в гаршинских взглядах на искусство, на место и роль художника. Гаршин был убежден, что настоящий писатель должен страдать со всеми и за всех, о ком повествует, что творческий процесс сопряжен с сопереживанием, сочувствием и состраданием.

свою? Не знаю за собой никакой вины; за что же ты другой год меня чуждаешься? Посмотрел на нее ангел, улыбнулся тихо и сказал:

— Ничем ты меня не прогневала, любезная жена, но я дал богу обет три года не знать тебя. Вот третий год уже наступает, и скоро будешь ты жить по-прежнему с мужем своим.

Сказал и ушел в свой покой и затворился. Заплакала жена и тоже пошла к себе.

Так прожили они три года. За неделю прежде, чем пойти четвертому, отдал правитель приказ собрать со всей области нищих и убогих. Будет на правительском дворе всем им прием и угощение, и наделит их правитель дарами. Поскакали гонцы во все города, послали из городов приказ по селам и деревням, и со всех концов потянулись нищие. И не знал никто до той поры, что так много нищих в области; все дороги покрыли они: хромые, безногие, безрукие, и слепые, и слабые, и юродивые, и убогие разумом, старые и малые. Идут нищие зрячие больше по одиночке, а слепые — артелями. Собрались в город, и пришло их столько, что не только во дворе у правителя не поместились, а и всю соборную площадь заняли.

Пошел правитель в церковь, набились и нищие в церковь, те, которые попали, а другие толпою стали перед церковью на площади. Слуги же в то время на площади столы расставили, и покрыли их, и поставили на них пироги, и похлебки, и мясо, мед и вино. И сколько ни было нищих, всем места хватало.

Вышел правитель из церкви, остановился на паперти, дал знак рукой, и вся толпа стихла.

— Рад видеть вас всех, добрые люди: милости прошу хлеба-соли откусать. Садитесь по местам и кушайте, а пообедаете — еще к вам выйду.

Сказал и пошел в свои палаты. Стали за столы усаживаться; одна артель слепых целый стол заняла. Пришли эти слепые издалека; шли они тихо и долго; было их двенадцать человек, а поводырь у них был один. Шел он впереди, двое за него держались, а за тех остальные по паре. Рассадил он их по местам, а сам стал служить: разлил им по мискам похлебку, пироги раздал, мясо нарезал, ложки в руки дал. Едят слепые, а он от одного к другому ходит и служит им.

Вот в конце обеда вышел правитель из своих палат и начал обходить столы. Кого спросит о чем, кому ласковое слово скажет, а за ним идут слуги с деньгами и платьем и всех одевают. Обошел всех и подходит к последнему столу, где слепая артель сидела. Увидел правителя поводырь — и задрожал и побледнел весь.

Подходит к нему правитель и спрашивает:

— Ты тоже нищий?

— Нет, великий правитель, не нищий я. Слуга я нищим.

— Добро сказал ты, человек. Как зовут тебя?

Потупил поводырь глаза в землю:

— Люди Алексеем зовут.

Посмотрел ему в глаза ангел, улыбнулся и говорит:

— Не всякая ложь в ложь поставится. Иди за мной.

Оставил поводырь своих слепых и пошел за правителем в палаты. Идут они через толпу, и дивятся на них все люди: идут точно братья родные. Оба высокие и статные, оба черноволосые, и оба на одно лицо: только у поводыря в густых кудрях седины много серебрится да лицо почернело от ветра и солнца, а у правителя лицо белое и светлое.

Расступился народ, пропустил их; ушли они в палаты. Провел поводыря ангел в дальний покой и затворится с ним.

— Узнал я тебя, Аггей, — говорит правитель, — знаешь ли ты меня?

— Знаю, господин, что послан ты был наказать меня. Каюсь я в грехе моем и во всей жизни моей...

И заплакал Аггей, и плакал навзрыд. Стоит ангел перед ним: лицом просветлел и улыбается; поднял Аггей голову и перестал плакать: не видел он никогда улыбки такой.

— Кончилось наказание твое, — сказал ангел. — Возьми

мантию правителю, возьми меч и жезл и шапку правителю. Помни, за что ты наказан был, и правь народом кротко и мудро, и будь отныне братом народу своему.

— Нет, господин мой, послушаюсь я твоего веления, не возьму ни меча, ни жезла, ни шапки, ни мантии. Не оставлю я слепых своих братьев: я им и свет и пища, и друг и брат. Три года я жил с ними и работал для них, и прилепился душою к нищим и убогим. Прости ты меня и отпусти в мир к людям: долго стоял я один среди народа, как на каменном столпе, высоко мне было, но одиноко, ожесточилось сердце мое и исчезла любовь к людям. Отпусти меня

— Добро сказал ты, Аггей, — отвечал ангел. — Иди с миром!

И пошел поводырь Алексей со своими двенадцатью слепыми, и работал всю жизнь на них и на других бедных, слабых и угнетенных, и прожил так многие годы до смерти своей.

А ангел через три дня оставил тело правителя. Похоронили тело, и жалел народ своего правителя, который сначала гордым был, а после кротким стал.

Ангел же явился перед лицом Господа.

1886 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

**В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра**

Продолжение. Начало №№ 10 - 12, 2010 г., № 1-5, 2011 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

11

Иаков Алексеич начал рассказывать, глядя куда-то в пространство, будто видел то, о чём говорил. Лицо его при этом оставалось сумрачным. Невесело было ему вспоминать пятилетние муки, отзывавшие в нём неизъяснимую болью. Батюшки, привыкшие на исповедях ко всяким излипаниям души, воспринимали его рассказ как очередную исповедь. И хотя Иаков Алексеич говорил не о себе, рассказываемое пропускалось через его сердце, а потому было неотделимо от него самого. Это была уже и его судьба, его жизнь...

— Когда Глафира Никитична везла Дуню в Тобольск на могилу святителя Иоанна (Максимовича), повстречался им в пути обоз: три семьи старообрядцев переселялись к нам с Урала. На Каменном поясе тогда активно изживалось старообрядчество. Староверы, вы сами знаете, упорные. Предпочитают сжечь себя, только бы не принимать новое вероисповедание. Тысячи несогласных сгорели в огне. Подобное случалось и на Алтае. А идёт это мученичество от неистового протопопа Аввакума, сгоревшего в срубе.

— Раньше ещё началось — от первых мучеников за Христа, — заметил отец Василий. — Крестный путь не устлан лаврами.

— Тут есть разница, — поправил отец Иоанн. — Первых христиан казнили за верность Иисусу Христу, а старообрядцы самовольно уходят из жизни. Самоубийство всегда считалось самым тяжким смертным грехом перед Богом, потому как в этом грехе невозможно покаяться. Жизнь человеку на земле дал Господь, и Господь же заберёт её в нужное время. Самовольный уход из жизни — это восстание против Бога.

— Не будем торопиться с выводами, брат, — сказал отец Василий. — Монах Евагрий в своих трудах писал: «Не было бы искушений, не было бы спасения». А вся история нашей веры православной соткана из всякого рода искушений и их правильных преодолений или непреодолений. Любые церковные реформы — сильнейшее искушение. Как бы не относились к старообрядчеству, самосожжение за устои христианской веры — сильное доказательство любви к Богу.

— Сложное утверждение, — неуверенно проговорил отец Иоанн.

— Сложное, согласен. Но скажи, дорогой брат, что делать старообрядцу, когда его ставят перед выбором: отказать от всего, что он привык совершать, служа Богу, и что для него равносильно верности Самому Творцу, или уйти из жизни, не предав Бога? Что он выберет? Всё что угодно, лишь бы не предать Бога. Так поступали и так будут поступать верные христиане. Так что не будем за Бога судить этих людей. Продолжайте, Иаков Алексеич. Извините, что перебиваем. Потом может забыться.

— С тем обозом ехали два брата: Ромил и Кукша. Тогда они были ещё мальчишками. Общалась с ними Евдокия Еремевна всего три дня и, надо же, в тогдашнем болезненном своём состоянии запомнила их. И что интересно: перед общением с ними она обыкновенно буйствовала, а когда мальчишки нарвали степных цветов и положили ей, связанной, на грудь, она утихла и как бы пришла в себя. А потом, уже выздоровев, не единожды задавалась вопросом, что с мальчишками теперь и где они живут? Я спрашивал её, почему она интересуется ими. Ответила,

что в их лицах было какое-то жалкое выражение. Такое жалкое, что сердцу больно. Сердце-то подсказывает: бед и горя хлебнут немало. Вообще, Евдокия Еремевна после болезни стала чрезмерно жалостлива ко всем. Приедом с ней в Петропавловский собор на службу, она каждому нищему подаст милостыню. А нищих, сами знаете, как много сидит на Соборной площади, особенно на паперти.

Позже мы узнали: эти три старообрядческие семьи поселились на северной части Алтайских гор. Построили три избы, молельню. Жили бестревожно, благостно, молились. Посты и всяческие старообрядческие строгости были им в сладость. Через пять лет уже не три избы, а с десяток стояли в их вольном поселении. Однажды через их деревеньку проехал верхом на лошади незнакомый человек. Ни разу не остановился, ни с кем не поговорил. Это насторожило поселян. Уставщик Селафиил ударил в било. Когда жители собрались возле молельни, сказал: «Что за человек проехал через нашу деревню, никто не знает. Но сердце моё говорит мне — не к добру. Снимайтесь с мест, уходите дальше — в черневую тайгу, в камень».

На этот раз не вняли чутью уставщика братья и сестры по вере. Жаль им было бросать новые избы. Да и привыкли к горным окрестностям, богатым диким, непуганным зверьём, неловленой рыбой, растениями, жирующими на

сочном чернозёме. Говорили уставщику: «Мы мечтали о Беловодье. Тут оно и есть. Неча от хорошего искать хорошее». Но опасения Селафиила оправдались. Нагрянули солдаты. Чадили табаком. Посуду испоганили своими табачными губами. Исправляли и перерисовывали на распятиях наклон нижней перекладины в другую сторону. А напоследок собрали сход жителей и всех записали в подушную книгу, после чего объявили, что теперь они: от мала до велика приписаны к Барнаульскому заводу. Любой, кто переедет без согласования с администрацией уезда, или уклонится от переписи, будет объявлен дезертиром и посажен в острог. На днях придет урядник и примет от всех военную присягу. После чего солдаты собрали всех мужского рода, коим за четырнадцать лет и погнали на завод — пешими, как каторжников. Сами же поехали на лошадях. Среди забранных на-

ходились и два брата: Ромил и Кукша. Оставшиеся подожгли избы. Кто вознёсся в огне ко Господу, кто исчез в тайге.

— Сгорели на Алтае не только жители этой деревни, — заметил отец Иоанн. — Чёрный дым поднимался и над деревней Лепёхиной. В огне погибло восемнадцать человек. А в деревне Мальцево Чаусского острога сгорели заживо 172 крестьянина. И это, как вы знаете, далеко не полные данные.

— Да, — произнёс задумчиво отец Василий. — Не приведи, Господи, вновь к церковным реформам, за которыми, непременно, последует раскол.

— Итак, оба брата: Ромил и Кукша оказались на Барнаульском заводе, — продолжал Иаков Алексеич. — Округ всё было для них чужим и грешным. Завод всё чадил среди домов. Староверы, ненавидящие табакуров, хмуро глядели на дым, обволакивающий слободу мастеровых, где их поселили на жительство.

Евдокия Еремевна, как узнала, что пригнали двух братьев — Ромила и Кукшу, попросила: «Хочется посмотреть, какими стали те мальчишечки, которые обсыпали меня цветами. Я организовал встречу. Поговорила с ними, а на следующий день напекла корзину пирогов и отнесла им. Мне пояснила: «Они уже взрослые, но в их лицах по-прежнему то же самое жалкое, детское выражение. Беды ждут их в жизни, да ещё какие!»

Вскоре среди пригнанных на завод парней — почти мальчишек, началось брожение: «Надо бежать домой, к тятке с мамкой», — говорили они друг другу. Однако у большинства — нерешительность и боязнь: поймают, засекут до смерти, сдерживала побег. Трое заводил всё-таки сбежали. Ромил и Кукша остались. Больше двух недель, блуждая, переваливая Алтайские горы, шли трое парней до своей деревни. Рано утром, наконец-то, остановившись на вершине родной горы, замерли от увиденного.

Восток, денницей озарённый, радостно сиял над скорбным пепелищем. Спустились вниз и в одной из ям бывшего подполья увидели черневший, полусгоревший труп человека.

«Не будем печалиться, — проговорил, едва сдерживая слёзы, один из беглецов. — Родичи получили венцы. Дай Бог и нам удостоиться подобной чести! А пока захороним по-христиански то, что найдём».

Заняться погребением им не удалось. На опушке леса появились верхом на лошадях солдаты и вернули беглецов на завод, где, в устрашение другим, заперли до смерти, пропустив сквозь солдатский строй со шпицрутенами. Парни погибли не менее лютой смертью, чем их родственники.

Как потом выяснилось, на пепелище сгоревшей деревни упокоились останки и родителей Ромила и Кукши. Сбылось предчувствие Евдокии Еремевны. Но то ли ещё будет? Там же прах и деда братьев — уставщика старообрядцев Селафила. Исполнилось и его предвидение и желание.

Вот так оживляются видения,
То светлых, то печальных дней
Далёкой старины.

Евдокия Еремевна продолжала носить Ромилу и Кукше продукты. Может, её внимание и придержало ребят от побега с теми тремя. Однако тоска по сестрам и братьям веры православной была непреодолима, и к весне братья всё

же наладилась в бега. Но Ромил занемог простудной хворью, что было на заводе обычным явлением. Кукша решился на своё опасное предприятие без брата — один, пообещав вернуться за ним, когда найдёт потаённое старообрядческое поселение.

А больного Ромила в наказание за дезертирство брата поставили на самую тяжёлую работу. С утра до ночи волок Ромил бабды с жидким металлом. Под вечер дышал с присвистом, руки дрожали. Но скоро он начал мороковать в плавильном деле. И плавильщик определил его подручным, а иногда доверял и самому вести плавку. И это доверие не только помогало ему переносить тяготы заводской жизни, но и смущало его от возможного побега с братом. Он всё чаще вспоминал его обещание приехать за ним. Жил этим обещанием и боялся его. Однако в мечтах тёмными ночами наслаждался будущей вольной жизнью, ждал лета.

Наступил май, за ним июнь. Однажды у плавильни единоверец Ромила шепнул ему, чтоб вечером, потемну шёл он за реку Барнаул, на гору, к кладбищенским воротам. Кое-как дождавшись вечера, Ромил тайно отправился в указанное место. У кладбищенских ворот верхом на коне ждал Кукша. Рядом ещё один оседланный конь. «Нашёл я потаённую старообрядческую деревню. Очень далеко. В горах, на реке Чёрный Ануй. Там нас не достанет вонючий завод. Недели две-три будем добираться. Путь я запомнил хорошо. Садись на коня и — айда. Ромил заговорил было о сменной одежде, ведь он только что закончил работу. Чумазый весь, как сам завод. Но Кукша словно взорвался: «Ты собираешься на прогулку или дезертировать?! Тебя и без того могут в любой момент спохватиться, поймать вместе со мной и прогнать сквозь солдатский строй со шпицрутенами».

Возмущение брата отрезвило Ромила, мигом вознесло в седло. Последний раз оглянувшись он с высоты горы на тускло желтеющие в темноте огоньки деревни, на отражение их в Барнаульском пруду. И долго не мог оторвать взгляда от пышущего огнём и дымом чудовища, поглотившее много людских жизней. Жутко стало Ромилу. Повернул коня вслед за братом, и оба всадника скоро исчезли в бору, который начинался от кладбища.

И вот снова Ромил в горах, где в глубоком ущелье новое старообрядческое поселение. Стал жить на воле. Вдоволь было мяса всякого, сладчайшего хариуса в Чёрном Ануе. В лесу грузди сырые, лохматые — шляпы с сито. В логах клубника с сорочье яйцо. В кустах дикий мёд. В кедрачах — орех. Тайга кормила и одевала, знай, только не ленись. Ромил добыл ружьё. Зимой приносил из тайги вороха меха. Сам ходил теперь в лисьей дохе, в собольей шапке, в моральных унтах... Однако стал примечать Кукша, невесел младший брат. Пристал к нему с расспросами: «Может, сударушку оставил там? По ней тоскуешь?» И поведал ему Ромил, что не по сударушке тоскует он, а, странно сказать, тоскует он по адовой, жуткой плавильне. «Каждую ночь, — говорит, — во сне пробиваю леток, и течёт по желобу яркий, белый металл... Ничего с собой не могу поделат, братка. Отпусти».

— Ко всему-то человек привыкает, и это спасительно, — проговорил отец Василий.

Иаков Алексей помолчал. Сбил его батюшка с мыслей.

— С того разговора Ромил не упускал случая напомнить брату о своей тоске. «Отпусти ты меня, братка». — «А не забьют тебя там, как тех парней, если воротиться?» —

«Может, и не забьют. Я же сам вернусь. Отпусти». Несколькими днями молчал старший брат, потом сказал: «Видно, Богу так угодно. Поезжай».

Как только Ромил вернулся на завод, я поставил его на прежнюю работу — к плавильне. Вы бы видели лицо Ромила, как сияло оно от счастья. Но беда была недалеко. Вызвали моего подопечного на военный суд — назначать ему наказание за побег. А наказание может быть только единственное: сквозь строй со шпицрутенами. Вы знаете, что это такое. По крайней мере, отец Иоанн. Ему не раз приходилось отпевать насмерть забытых провинившихся. Солдаты ведь, чтоб самим не попасть под шпицрутены, стараются изо всех сил.

Я даже в мыслях допустить себе не мог, что того мальчишку, который забросил Евдокию Еремевну цветами и тем самым помог её выздоровлению, могут пропустить сквозь солдатский строй со шпицрутенами. Я дал сам себе слово — сделать всё, что смогу, чтоб избавить Ромила от этой экзекуции. На суде, наверное, сам себя превзошёл. Говорил, как надо: спокойно, убедительно. Доказывал, что его возвращение на завод послужит примером для других. А если он будет наказан, то уже никто не решится вернуться сам. Уверяя судью, что Ромил дал мне твёрдое слово, больше не покидать завод. Я ему верю, говорил я. Ручаюсь за него. Он обещал горячим потом смыть вину. Да уже достойно смывает. А если приговор суда будет в пользу наказания, то я вынужден буду подать в отставку. Слава Богу, суд прислушался к моим доводам и освободил Ромила от наказания. А Евдокия Еремевна, вы бы видели, как она была рада этой моей победе... Но после этой победы я уже не мог в полную силу исполнять обязанности шихтмейстера.

— И от этого ушли в отставку?

— Да нет. Появилась необходимость уезжать из деревни Барнаульский завод.

— Острая, должно быть, необходимость. Вернее, серьёзная?

— Весьма. Характер у Евдокии Еремевны стал ранимый, и хотя она уже давно была в полном здравии, её по-прежнему в деревне называли Дуня-дурочка, будто другого имени не было. Я понимал: никто не считал это оскорблением для неё. Просто «Дуня-дурочка» превратилось в прозвище. В деревне ведь почти у каждого есть какое-либо прозвище. А ведь прозвище в деревне как прилипнет, его ничем не отдерёшь. Люди привыкают к кличке, и она становится как бы настоящим именем. Откликаются на неё, какой бы срамной не была.

— В этом сказывается необыкновенное смирение нашего народа, — заметил отец Иоанн. — Иногда невольно подумаешь, а надо ли так смиряться? И просто заставляешь себя уверовать, что в этом есть полная необходимость. За это и любит вечно Россию Господь Бог. Ведь сила Господа проявляется в немощи.

— Не жалеете, что расстались с работой, на которой вы были князьком? — спросил отец Василий. — И с офицерским чином пришлось расстаться. В итоге, с хорошим жалованьем.

— Взамен я получил драгоценность, которую не сменяю ни на какие сокровища мира. И драгоценность эта называется счастьем.

Продолжение следует

Воскресная школа

ПРИ АЛЕКСАНДРО-
НЕВСКОМ
СОБОРЕ

**ПРИГЛАШАЕТ
ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ**

на занятия по изучению
основ Православной веры,
церковного пения.

При школе работают:

- ✿ детский хоровой коллектив;
- ✿ кружок декоративно-прикладного искусства;
- ✿ изостудия;
- ✿ детская театральная студия «Благовест».

Занятия проводятся
по воскресеньям с 9 часов.

В школу принимаются
дети от 5 лет.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 07.09.11. Выход по графику 26.07.11

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.